

Евгений МАЛЯКИН

УТРЕННИЙ ВОЗДУХ

* * *

Не говори со мной о пустяках,
к примеру - о возможности бессмертья,
о долге, смысле и что все мы - прах,
которым ветер мимоходом вертит,
но говори со мной о пустяках,
что это утро хмуро и ненастно,
что сами мы предел тому же счастью,
которое дрожит у нас в руках
ведь это всё - как вещь сама в себе
как воздух в небе или свет на солнце,
но даже в них живёт противоборство
и отрицанье в тёмной глубине.

* * *

Ночь была в разладе со смыслом,
холодна, как каменный гость.
На лесном потолке повисла
листопада большая гроздь.
Неизбежность не выбирали -
или речкой, бегущей ко рту.
Неизбежность напоминала
лёгкую тошноту.
Как осеннего леса голос,
взрешенный в шум без слов,
взбурлили в шагах по поясу
предвиденную любовь.
И как отвлечённые мысли,
отлетавшие вдвоём,
незаметно из жизни вышли,
всплывив её объём.

* * *

Знаешь ведь - сколько зим, лет
отредь дней за колодцем на краю деревни
каменные под деревом яблоки - их память, вкус, цвет,
и путь в две колеи - пыльный древний
и можно ведь так стоять смотреть
как день спускается к ручью по склону
и камень ложится в наш след
и виноград умирает зеленым
будешь ведь знать игрушечный скрип
отража в поле ночном
луну по воде
вск сумерек за дальним холмом
и как мы и - нигде...

* * *

Без обратного адреса, в конверте, не стареющим
твоим почерком
очерном склеенном сердце сказано, об узком его
проходе
стареющим стеклянным тюльпаном...
Пустота моя стала окриком

пьяного пастуха в пустой долине, выцветшей
тряпкой на колышке.
Бедная ты моя Лиза, Офелия, скатерть белая,
очи чёрные - слёз не видно, а были тогда -
воды вешние,
как-то жилось, что-то делалось, но, что-то делая -
я отмирал кусочками, душою и плотью грешною.
И, посылая письмо обратно по адресу: без обратного,
память колечком дыма пуская в облако светлое,
я понимаю твою смерть цвета вина мускатного,
чувствую боль эту страшную и незаметную.

* * *

Представь, что ты луна, а я - дорога в поле,
и свет по мне бежит в разрыве облаков.
Представь, что ты река, а я - ничто, и волн
волною стать твоей и умереть легко.

И тени камышей - глухие наши тени,
в переплетенье сил поникшие к воде,
и утренний озноб, сухой, как отраженье
тумана с берегов - во мне или в тебе?

Прими меня как то, чем я не получился,
возьми меня как боль, пришедшую во сне...
Ты - лилия и мак, а я - дорога к Стиксу,
где ты растешь на дне и дно растет во мне.

* * *

Всё правильно в правильном мире
и жарко под солнцем земным,
когда измерений четыре,
мы пятого не захотим.

И море привыкло ласкаться,
и лес научился молчать -
под утро росой покрываться,
под вечер ветвями качать.

Как наша обитель обильна!
как трудно покинуть порог
сей драмы бесцельной и сильной,
где холодно жить между строк.

* * *

*«И вот мне приснилось,
Что сердце мое не болит...»*
(ГУМИЛЕВ)

Я наследовал больше, чем надобно
для короткой земной суеты,
и запретные звезды угадывал
во вселенной, которая - ты,

из которой ушла, как из города,
в неизвестные миру века,
и метались закаты и вороны,
и чернее ворон облака.

Видишь: неба огромная ризница
и господнее око луны,
видишь: время в меня опрокинулось
неживою волной тишины.

Приходи - утоленная, близкая,
никогда не разгаданным сном,
и с короткою греческой стрижкою
и с египетским точным лицом -

я себе милосердия требую,
как продрогшему путнику - жар,
как больному - повязку целебную,
и как бедному - искренний дар,

приходи - человеческим обликом
или ветром в покинутый дом,
или эха далекого откликом
и круженьем огня над костром.

но, худая, в сандалиях наголо,
вся из критской зеленой волны,
ты стоишь одинокою пагодой
у Великой Китайской стены -

то молитву пришлешь, то бессонницу,
то высокий косяк журавлей...
или странник случайный поклонится
моей двери - от двери твоей.

МОЦАРТ

Не важно, как будешь писать -
каракулями или вязью,
что пылью истории стать,
что стать её горькою грязью.

Решенье приходит из рая,
последствия следуют в ад,
на вдохе в клавир попадаешь,
на выдохе вынут назад.

Завистник над свечкой зависнет
держась за язык огонёк -
играй, пока время не свистнет
волшебную флейтой - в свисток.

* * *

Есть у поэтов сны и есть у снов поэты -
легчайший унисон пчелы и лепестка,
рождение глотка у колыбели, где ты
качаешься в глотке, длиннее, чем века...

Путем вся Руси летит золотое стремя
в санях былых князей, в церквах Христовых Ран
есть время для молитв, и есть в молитвах время -
закрой лицо, поэт, на меркнувший экран,

закрой глаза, поэт, и слушай, что проходит
с гудком ночной реки по телу холодком...
есть снег внутри огня, огонь по снегу бродит
и души над землей раздваивает он.

* * *

Твоей судьбы таинственные струны
протянуты в минувшее тепло,
их осторожно трогаешь и слышишь,
как музыка забытая плывет
рекой разлившейся, и всё, что на пути,
несет с собой...

вот так внезапно
за книгой, на прогулке в полдень
мелькнет воспоминание о сне,
пришедшем много лет назад,
и возвестившем любовь, что будет
так скоро, как бывает только счастье -
и там ты молод, ты весны моложе,
и тает снег, и с крыш вода
летит, и ты лицо подставил
и ловишь капли ртом, глазами,
и от этой влаги подушка мокнет. ночь.
и так легко прожить две жизни сразу
и хотя б в одной...

* * *

...и комната без лестницы и дома,
и молодость - как молния без грома,
и жизнь вокруг - смешнее детской тайны...

я здесь чужой, мне нечего беречь.
усилия огня не стоят свеч,
сгорающих от молнии случайной.

* * *

Город под утро не видит, как воздух болит.
Утренний воздух не знает, как холодно людям.
Сонного зверя охотник не выстрелом будит,
но осторожно стволом между глаз шевелит.

Осень - пора медитаций и мелких обид,
пресных прогулок по скверам, тяжёлым от листьев,
и расставаний, когдажимаются кисти,
где умерщвлённое время под кожей лежит.

Надо кому-то за прошлое счёт предъявить -
счёт предъявляешь асфальту, считая шаги отвлечённо...
Тон тополей потемнел, нисходя с полутона -
так от рождения мы приучаемся жить.

В пору элегий и острых любовных простуд
пахнут каминами Англии жжёные листья -
всё-таки если пожизненно здесь родились мы -
значит, посмертно мы тоже останемся тут.

Скорый наш суд, да не скорая наша тюрьма!
В тысячу раз умиранье рожденья длиннее -
я понимаю, когда нагибается шея
или избранники медленнее сходят с ума.

...Дождь переходит в овацию... надо бежать...
видимо, солнце споткнулось в далёкой Тавриде -
смотрит, как камешки в море бросает Овидий
и ни за что не желает домой уезжать.